Солнечные лучи, ласковые и теплые, разбудили Гарри. Он лениво взмахнул рукой, угасив синее пламя, мерцавшее в небольшом углублении, – змея, обвившая его ногу, поднялась выше, теперь она покоилась на его плече, обвив левую руку. Ясный свет утра позволил разглядеть окружающую местность. Гарри находился на краю огромного лесного массива, теряющегося в южной дали. На востоке, за реками, сливавшимися в широкую дельту, уходящую в мутное море, виднелся дым – признак деревни. Но эта находка не вызвала у Гарри радости. Он не желал встреч, будь то с инопланетянами или землянами. Если суждено умереть на этой планете – пусть так. Он видел свою жизнь, знал, что другие Гарри, которых он наблюдал, так же реальны, как и он сам. Он уже однажды принял смерть, и это не пугало его. Неприветливые джунгли на юге и мрачная перспектива встречи с людьми на западе казались ему куда менее привлекательными, чем луга, простирающиеся на северо-восток. Оценив время, необходимое для путешествия через лес, Гарри понял, что до опушки оставалось не менее четырех часов. Урчание в животе напомнило ему о необходимости подкрепиться. Повторив действия предыдущего дня, он собрал несколько ягод, которые с помощью магии определил как съедобные. В его сознании всплыли знания, полученные из наблюдений за другими жизнями. Это не было просто знанием, а идеальным воспоминанием о процессе его приобретения, подобно эйдетической памяти, но включающей не только визуальную информацию. Гарри осознал, что не стоит выбрасывать шкуры и кости убитых животных. Магия и трансфигурация могли пригодиться. Время пролетело незаметно. Гарри охотился, снимал шкуры, ел. Не желая подходить к опушке леса слишком поздно, он погрузился в воспоминания о жизни и работе волшебника, управлявшего кожевенным заводом в средневековье. Это был случайный человек, но молодой волшебник чувствовал некую связь с ним. Он наблюдал, как кожевенник использовал магию, чтобы высушить шкуры, и старательно повторял его действия. Вскоре перед ним лежали три куска высушенной кожи, готовые к обработке. Жена кожевенника, как Гарри узнал из воспоминаний, использовала его изделия для создания различных аксессуаров и полезных вещей для жителей деревни. Гарри, с помощью грубой техники, сшил небольшую сумку из шкуры грызуноподобных существ. Он был доволен собой, несмотря на беспорядок, царивший вокруг. Затем он погрузился в мысли рунного мастера, который, как он каким-то образом знал, жил в будущем Земли. Он внимательно следил за работой мастера, пытаясь повторить наложение расширяющих и облегчающих чар на небольшую шкатулку. Воспоминания подсказывали, что высушенная кожа не лучший материал для передачи магии, но выбора не было. Закончив наносить руны для заклинания легкости, Гарри отложил камень, которым вырезал клинопись. В голову пришла новая идея, и он снова погрузился в память рунного мастера, ища новое заклинание, которое хотел наложить на шкатулку. Прошло еще два часа. Желудок снова заурчал. Гарри быстро съел остатки мяса и ягод и заснул.На следующее утро Гарри проснулся раньше солнца, готовясь к новому дню. Он попробовал еще одну беспалочковую трансфигурацию – на этот раз своей одежды. Вскоре он был одет в длинные дубленые брюки, рубашку с длинными рукавами и широкополую шляпу. Он быстро убил несколько животных и собрал ягод, не тратя много времени на завтрак. Сидя у костра, он наслаждался сладкими красными плодами, чувствуя вкус свежести на фоне жаркого дня. С одним из убитых животных в желудке и остальными, заключенными в стазисные чары, Гарри отправился на север. Змея, сидевшая на его плече, внимательно следила за окружающей обстановкой, пытаясь уловить опасность. Ощущение опасности, которое преследовало их, усилилось, когда они достигли лугов. Недалеко от них паслось стадо огромных существ, напоминающих гибрид медведя гризли и картофеля, с длинными острыми когтями и внушительными зубами. Они были в пять раз больше Гарри и, судя по всему, знали о его присутствии. Гарри не собирался сдаваться без боя. Он использовал всю известную ему наступательную магию, вплоть до убийственного проклятия, но только одно из чудовищ упало, не долетев до земли. Гарри надеялся, что оно умерло от кислотно-зеленого проклятия, которое он бросил последним. Но остальные четверо продолжали приближаться, покрытые царапинами и порезами от резаков, которые он посылал в их сторону. В этот момент перед глазами Гарри

пронеслась вся его короткая жизнь, а также жизни других, которых он наблюдал. В один миг можно было вспомнить слишком многое, но, как оказалось, ему это и не требовалось. Он не сразу заметил, как змея, обвившая его плечо, словно живая лента, растворилась в траве и стремительно поползла к самому крупному и свирепому из хищников. Не заботясь о собственной безопасности, она вонзилась в открытую рану, оставленную одним из заклинаний Гарри. Гигантский зверь взвыл, отбросив надоедливую рептилию, но яд уже впился в его плоть, распространяя болезненную боль. Испуганные воплями вожака, остальные твари, словно прижатые хвосты, бросились в противоположную сторону. Через несколько минут гигантский хищник лежал парализованный, его мучения были невыносимы. Снова охваченный жалостью, Гарри поднял руку к одной из ран и произнес: — "Авада Кедавра". Боль утихла, хищник был мертв. Змея, выглядевшая несколько ошеломленной, вернулась на плечо Гарри. Сомнения о том, как уложить огромные туши в сумку, развеялись: он использовал самые мощные охлаждающие чары, какие только мог без палочки, соорудил укрытие и заснул. Проснулся он от странных звуков: разрывов, брызг. Опасаясь повторения вчерашних событий, он позволил змее скользнуть по руке, чтобы иметь возможность быстро атаковать. Выйдя из хижины, он увидел перед собой двуногую рептилию, вгрызающуюся в труп зверя, которого обездвижила змея. У существа была голубая чешуя, голова, напоминающая коробку, и крохотные лапы, несоразмерные с телом. Это было нечто среднее между велоцираптором и тираннозавром, только гораздо меньше. Заметив человека, рептилия подняла голову, ее кроваво-красные глаза уставились на Гарри. В них он увидел что-то знакомое — те же глаза, что были у Тома Реддла, но без зловещего блеска. Они были естественными, принадлежали этому существу. Глубокий гул вырвался из пасти рептилии, она повернулась к Гарри и осторожно подошла ближе. Несмотря на острые зубы, она подняла лапу в приветствии, словно желая погладить. Не желая раздражать существо, Гарри погладил его переливчатую чешую. — "Злой", — прокомментировал он свою новую дружбу. В последующие дни сауриан, как назвал его Гарри, не отходил от него ни на шаг, пожирая тушу потара, но оставляя жесткую кожу нетронутой. Гарри же использовал время с пользой: снял шкуры с гигантских зверей, сложил в сумку остатки мяса, сделал из шкуры рюкзак. Но он понимал, что долго так продолжаться не может. Последняя схватка с зельеварами закончилась удачно лишь благодаря везению. Рисковать больше он не хотел. Через пять дней после прибытия на опушку Гарри решил сделать себе палочку. Он размышлял, как зельевары смогли избежать проклятия, ведь он знал, насколько оно мощно. Единственное объяснение — они сами обладали магией или чем-то подобным. Перед ним лежали кусок дерева, добытый из небольшого дерева на краю джунглей, и мышечное волокно из сердца одного из зверей. В памяти всплыли воспоминания о ремесленнике, который в древние времена создавал не палочки, а посохи. Гарри внимательно наблюдал и учился, как мастер с поразительной ясностью видения формировал посохи для разных клиентов. Дерево словно разжижилось, заключив в себя мышцы. С огромной силой, как учил мастер, Гарри вдалбливал образ посоха в каждую фибру, пока тот не упал, измученный, но счастливый. Темный деревянный посох лежал на плече, украшенный лишь фениксом на вершине — память о сломанной палочке с пером Фоукса. Он инстинктивно взмахнул посохом. Он был лучше, чем беспалочковая магия, но не мог сравниться со старой палочкой или с палочкой Гермионы. Тем не менее, он позволил Гарри возвести небольшое дополнение к убежищу. Дверь стала небольшим удобством, а крыша — необходимым укрытием для его голубого друга.

http://tl.rulate.ru/book/92241/2969953